

5th the International Conference
on Science and Technology 2015

PHILOLOGICAL SCIENCES

Takazov F.M., Kusaeva Z.K.

SYNCRETIC RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL BELIEFS OSSETIANS

Takazov F.M., Russia, PhD in Philology Science, Chief Scientific Officer, Head of the Department of Folklore and Literature North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research name V.I. Abaev VSC RAS and the Government of Republic of North Ossetia-Alania

Kusaeva Z.K., Russia, Candidate of Philology, Senior Researcher of Folklore and Literature Department of V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz

Abstract

The article is devoted religious and mythological views Ossetians. Religious and mythological representations of Ossetians were formed under the influence of Christianity and Islam, with the result that they have acquired the syncretic nature. At the present stage Ossetians officially identify themselves to the two faiths: Christianity and Islam. At the same time, traditional beliefs still play a huge role in the performance of various religious rituals, while often not comprehended syncretism of these rituals. Objective : Based on the actual material to analyze syncretic religious and mythological beliefs and determine their significance in the spiritual culture of the Ossetians. The study reveals the nature of religious and mythological concepts , which enables more fully represent the religious and mythological worldview Ossetians. The research results can be applied in the study of religious and mythological beliefs , folklore and ethnography of the Ossetians.

Keywords: religion, traditional beliefs, Christianity, Islam, mythology, folklore.

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

Особенности исторического пути развития осетинского народа, отразившиеся на формировании его мировосприятия, породили целую мозаику религиозных представлений. По своему происхождению и эволюции они имеют весьма сложную историю. В настоящее время из канонических религий, получивших достаточно широкое распространение в осетинском обществе, преобладает христианство. Определенная часть населения исповедует ислам. Вместе с тем в религиозных воззрениях осетин сохранились доисламские и дохристианские верования. Слияние духовных традиций разных религий наложило своеобразный отпечаток на всю религиозную систему современных осетин [31, с. 197]. Синкретический характер ее был отмечен многими исследователями. Особенности осетинской религиозности были замечены в 70-х годах XIX века академиком Н.Ф.Дубровиным, который писал: «Из смеси различных верований и понятий в народе образовалась своя собственная религия, одинаково пригодная христианину, магометанину и язычнику» [10, с. 292].

Следует отметить, что понятие «язычество», применительно к религиозной системе осетин стало использоваться с XVIII века, в период, когда в Осетии наблюдалось активное распространение христианской и мусульманской религий. В исследованиях архаичных форм религиозных воззрений осетин поражает разнообразие терминов, которыми определяются верующие осетины: «забывшие христианство иноверцы», «язычники», «полуязычники», «слабые в вере христиане», «приверженцы нецерковной обрядности» и их религия: «язычество», «двоеверие», «дохристианская религия», «народные верования», «традиционные верования», «национальная религия осетин», «православно-языческий синкретизм».

Однако применение термина «язычество» к системе верований осетин не вполне корректно, так как они в своей основе разнятся с политеистической религиозной системой, основанной на вере в нескольких божеств, в рамках которой политеизм противопоставлен монотеизму – вере в единого Бога.

В результате принятия христианства и мусульманства среди определенной части осетинского населения, начались трансформационные процессы в традиционном религиозном сознании. Таким образом, если в понятие «традиционные верования осетин» до начала XX века включали дохристианские или доисламские верования, то сегодня такое понимание может предполагать неоднозначное суждение.

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

Характеризуя сегодняшнее религиозное сознание осетин, обращает на себя внимание синкретический характер их воззрений. Следствием синкретизации христианства и ислама с традиционными верованиями стало появление среди осетин верующих трех типов:

1. Традиционный – где исповедуют исконно осетинскую веру в том виде, в котором она сохранилась до настоящего времени.

2. Синкретический – в котором сосуществуют традиционные верования с христианством или исламом, зачастую без определения между ними существенных различий.

3. Двоеверцы – когда верующий четко отличает традиционные верования от христианских или исламских, но при этом исполняет или исповедует и ту, и другую религиозную систему.

В данной работе исследуется синкретический тип верующих, так как именно эта категория представляет наибольший процент религиозной части осетинского населения [33, с. 294].

Как показывают исследования, ранний период христианизации алан-осетин формировался на протяжении многих веков (VI – X вв.) [16, с. 283].

Однако в тот период, по свидетельству средневековых авторов, непосредственно побывавших у алан, христианство получило слабое развитие, а среди населения преобладали дохристианские верования. Так, Вильгельм де Рубрук писал, что «аланы – христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников... не знали ничего, имеющего отношение к христианскому обряду, за исключением только имени Христова» [15, с. 13].

Настоящее распространение христианства в Алании началось только с X века и связано с именем константинопольского патриарха Николая I Мистика. В его письмах, адресованных миссионерам и союзникам Алании и Византии – абхазским монархам, содержатся ценнейшие сведения о христианизации алан. [30, с. 167-177].

Очередной этап распространения христианства относится к XVIII веку – к началу развития русско-осетинских отношений. В 1745 г. была основана Осетинская духовная комиссия, началось крещение осетинского населения. Активно занималось распространением христианства в Северной Осетии «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», учрежденное в 1860 году и действовавшее до 1917 года. Христианство внедрялось среди осетин больше

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

административными мерами, чем церковными проповедями. Нередко дело доходило до репрессий. Но тем не менее население к христианской церкви оставалось равнодушным [23, с. 334]. В этой связи служивший в 60-х гг. XIX века в качестве царского администратора К. Красницкий писал: "Надо заметить, что осетины, исповедывающие православную религию, совершенно равнодушны к религии, следовательно, весьма слабы в ней.... Это видно хотя бы в том, что большая часть духовенства постоянно обращается с просьбами к местным властям о принятии полицейских мер для того, чтобы заставить народ ходить в церковь, соблюдать посты, говеть, крестить младенцев и прочее. Полицейские меры, само собой разумеется, не приносят пользы, а крайний вред делу религии. Часто оскорбленный наказанием туземец не задумывается и совершенно отступиться от церкви... Плохо дело, если приходится прибегать к принуждению" [18].

Этот же факт отмечал позже и академик Н. Ф. Дубровин: "Прошло с тех пор (с начала крещения осетин – Ф.Т.) почти целое столетие, и осетины весьма мало подвинулись в религиозном отношении. Они и в настоящее время весьма плохие христиане" [10, с. 293].

В результате духовенство "вынуждено прибегать к полицейским мерам", чтобы заставить народ ходить в церковь, соблюдать посты, говеть, крестить младенцев и т. п. Но все принудительные меры только восстанавливают туземца и после наказания за неисполнение обрядов осетин, не задумываясь, совершенно отступается от религии [10, с. 294].

Видимо, по этой причине священнослужители шли на уступки традиционной религии осетин. Характерной чертой насаждения христианства в Осетии являлось лояльное отношение миссионеров к традиционным верованиям и культам. Христианство сосуществовало вместе с традиционными верованиями, а во многих случаях уступало ему. Меньше всего христианство распространилось в горах, где господствовала традиционная народная религия [16, с. 289].

Феномен религиозных воззрений осетин заключается в том, что представители двух конкурирующих на протяжении тысячелетий учений (религий) мирно уживаются в одном храме, ибо осетинский народ в какой-то степени синкретизировал все эти учения в одно. И это единство достигается благодаря тому, что в религиозных воззрениях осетин преобладают традиционные верования и мировосприятие [32, с. 60].

Анализ дохристианских верований осетин свидетельствует о преобладании аграрных культов,

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

относящихся в своем большинстве к аланской эпохе, а отчасти к древнекавказскому и скифскому периоду [1, с. 283]. Этот факт является, несомненно, ярким свидетельством ведущих сельскохозяйственных традиций в хозяйстве алан-осетин, сохранившихся у них в горах и после монгольского нашествия.

Существенную роль в развитии мировоззренческих форм осетин сыграла мифология. Она послужила исходным материалом для создания фольклорных произведений. По мнению большинства ученых, мифология, по своему происхождению, не связана с религией. Но, бесспорно, уже на ранних стадиях своего развития она органически срастается с религиозными обрядами, входит составной частью в систему религиозных верований. Мифология оказала значительное воздействие и на сферу художественного мышления, сохранившись в фольклоре. Достаточно сложно определить грань не только мифологии и религии, но и близких по жанру к мифу форм словесного творчества: героического эпоса, сказок, исторических преданий, легенд. Некоторые особенности мифологического мышления сохраняются в сознании народа и в современном мире наряду с научными представлениями. Глубокое влияние оказала мифология и на создание Нартовского эпоса осетин, обогатив его мифологическими традициями, символами, языком. Наряду с древними религиозными представлениями, обрядово-ритуальным комплексом она является одним из основных сюжетобразующих компонентов осетинской «Нартиады» [19, с. 167-173].

Но, как отмечал В. И. Абаев, десять веков христианства не могли пройти бесследно. На старые верования наложился мощный слой христианской терминологии и обрядности [1, с. 104]. Большинство осетинских святых приобрело христианские наименования: «Уастырджи/Уасгерги» (св. Георгий), «Уаццлла» (св. Илья), «Уас Никола» (св. Николай), «Фалвера» (св. Флор и Лавр), «Мыкалгабьртæ» (св. Михаил и Гавриил), «Мады Майрам» (Богоматерь).

– Уастырджи/Уасгерги – самое почитаемый небесный покровитель в религиозно-мифологической системе осетин. По народным представлениям, Уастырджи является посредником между Богом и людьми и покровительствует мужчинам, путникам, воинам. Ему посвящено наибольшее число культовых сооружений, повсеместно расположенных на территории Осетии. К примеру, такие известные святыни, как «Реком», «Дзвгъсы дзуар», «Хетæджы дзуар» и др. Ежегодно в ноябре в течение недели широко и торжественно отмечается праздник в

5th the International Conference on Science and Technology 2015

его честь. В строго-регламентированном осетинском застолье непременно обращаются с молитвословиями (тостами-кувдами) в честь Уастырджи.

Одним из почитаемых святых в системе осетинских верований является Уас Никкола – покровитель хлебных злаков и урожая. Святой Никкола считается покровителем равнины (плоскостных осетин). В его честь ежегодно выходцы из селения Лезгор (Дигорское ущелье) справляют праздник. Данный ритуал ярко отражает синкретизм религиозных представлений осетин, поскольку все выходцы из селения Лезгор являются мусульманами.

– Фæлвæра в осетинской мифологии – покровитель мелкого скота, главным образом овец. Он – самый кроткий и добрый дзуар (святий) в осетинском пантеоне небожителей. Ежегодно ранней весной в честь Фæлвæра справляли праздник возле специального святилища, которое каждая семья посещала с ритуальными приношениями: тремя пирогами, молочными продуктами, пивом. В честь Фæлвæра запрещалось принесение в жертву животных.

– Мыкалгæбæртæ – покровитель плодородия. К нему обращались с просьбой о богатом урожае хлебов, увеличении стада, избавлении людей от болезней и других невзгод. Согласно легендам, святилище в его честь в Касарском ущелье возникло на месте, куда упала одна из трех слез Бога, пролитых по поводу гибели нарта Батраза. Ежегодный праздник у его святилища отмечается в мае месяце в течение двух недель.

– Мады-Майрæм – покровительница женщин, прежде всего женского плодородия, особо почитавшаяся молодыми девушками и женщинами детородного возраста.

Под влиянием христианства среди осетин утвердились некоторые праздники:

– Комахсæн – (букв. «связывание рта») один из календарных праздников зимнего цикла осетин-христиан, предшествовавший великому посту (мархо).

– Куадзæн / Комуадзæн/ – (букв. «отпускание рта») осетинская номинация Пасхи. Пасха у осетин была праздником увеселительно-поминального характера, исключение составляли только ряд горных районов Осетии, где в день «Куадзæн» запрещалось поминать покойников.

– Кæрдæгхæссæн – (букв. «поднесение травы») – поминовение усопших в начале весны.

– Зæххæссæн – (букв. «поднесение ели») – день поминовения умерших.

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

Согласно этимологии В.И.Абаева, термин *«аззахссен»* объясняется как «праздник поминовения умерших, приуроченный к православному Вербному воскресенью, дню въезда Иисуса Христа в Иерусалим» [2, с. 290].

Религиозно-мифологическая семантическая окраска присутствует во всех жанрах фольклора осетин, в особенности в малых его формах: молитвословиях (куывд), благопожеланиях (арфатæ) и др. [20, с. 612-623]

Развивая суждение о влиянии христианских мотивов на мифологические воззрения осетин, следует обратить внимание на фольклорные тексты, в которых повествуется о появлении первой человеческой пары на земле. В осетинской фольклорной традиции в их роли выступают Атан и Аман. Совершенно очевидно, что данные образы восходят к библейским персонажам – Адаму и Еве. Христианские мотивы повлияли и на другой миф – «Арыг и Магра» (*«Арыг æмæ Магра»*). Как повествует этот миф, в давние времена люди не ведали о Боге и творили все, что хотели. Только одна семейная пара, Арыг и Магра, жившие у подножья горы, молились Богу. Бог решил уничтожить людей. Послал к Арыгу и Магре ласточку с наказом: «Постройте себе ковчег; возьмите с собой из животных, птиц и из зерновых все, что вам необходимо» [13, с. 48-49].

Повествование же мифа «Первые жена и муж» (*«Фыццаг лæг æмæ ус»*), переданное в афористическом жанре, отражает традиционную форму мифотворчества, однако и здесь наблюдается проникновение библейских сюжетов.

Когда Бог сотворил мир, каждая тварь имела пару. Только у первого мужчины не было пары. Он ходил печальным, и Бог внял его думам о паре, сотворив для него жену. Через несколько дней муж привел свою жену обратно к Богу, мотивировав свой поступок тем, что уже не в силах выносить ее капризы и постоянное ворчание. Спустя еще некоторое время, он опять пришел к Богу и попросил вернуть ему жену. Бог не соглашался, мол, все равно опять вернешь ее. Испугавшись, муж пообещал больше никогда ее не приводить. Женщина не изменила своего поведения, но мужчина больше не думал ее возвращать, рассуждая так: «Трудно жить с женой, но и без жены невозможно жить» [13, с. 38].

В данном мифологическом сюжете, где Бог творит для каждой твари пару, отчетливо прослеживаются мотивы библейских сюжетов, в то время как в традиционной осетинской мифологии Бог творит первого человека на земле одиноким (рождение Цардзоя) [21, с. 7]. Либо, согласно различным

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

вариантам кадагов о сотворении жизни, наиболее распространенным является сюжет, в котором Бог создает людей группой (сотворение нартов) [27, с. 17].

Еще более поверхностным было влияние мусульманской религии, хотя и с нею осетины познакомились довольно рано. Первые упоминания о знакомстве алан-осетин с исламом относятся к VIII-IX вв. Со второй половины VII века арабы на захваченных территориях Дагестана стали насаждать ислам. Но, по всей видимости, это движение не распространилось дальше Дагестана, и можно говорить лишь о некотором знакомстве части аланского населения с мусульманской религией.

Активно ислам стал проникать в Осетию из соседней Кабарды в конце XVII – начале XVIII вв. К тому времени сложились условия, способствовавшие восприятию новой религии: на западе Осетии – в Дигории и на востоке – в Тагаурии стали развиваться феодальные отношения. Осетинские феодалы, для усиления своей власти, искали поддержки у кабардинских князей. О роли последних в системе взаимоотношений между народами Северного Кавказа писали многие авторы (В.Б. Пфафф [29], Г.А. Кокиев [17], К.Ф. Дзамихов [8], М.М. Блиев [6], А.Х. Магомедов [22], Б.К. Мальбахов [24], В.Д. Дзидзоев [9] и др.).

Новая же волна распространения ислама связана с приходом русских на Кавказ и началом боевых действий на востоке Кавказа. В период Кавказской войны "мусульманская влияние усиливается не только на западе Осетии, но и на востоке, со стороны Чечни, находившейся в руках Шамиля. Оттуда к тагаурским осетинам направлялись муллы для окончательного распространения ислама и привлечения тагаурцев на сторону Шамиля [34, с. 265 –267].

Уже к середине XIX столетия в Осетии официальное признание получило, наряду с христианством, мусульманство. Традиционная же религия осетин не воспринималась всерьез и объявлялась пережитком языческих верований. А приверженность осетин к своим традиционным верованиям воспринималось как равнодушие к религии и вере. Таким образом, к концу XIX века осетины, продолжая исповедовать традиционные верования, официально причислялись к двум конфессиям – христианству и мусульманству. Но если в результате проникновения в Осетию христианства и мусульманства понятие Бога было расширено, переосмыслено, то понятие религии осталось на уровне исполнения обрядов [32, с. 85]. Характерные особенности отношения к внешней

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

атрибутике религии у осетин отмечены у В.Н.Басилова и В.П.Кобьчева [5, с. 131-150.], при описании праздника в честь святого Николая («Никколай кувд») в селении Лезгор, Дигорского ущелья. Лезгорский праздник интересен, прежде всего, своим отчетливым синкритическим характером. Здесь смешались различные обряды: традиционно осетинские, христианские и мусульманские. К примеру, во время обряда жертвоприношения жертвенному ягненку, в соответствии с древней традицией, прижигали на лбу шерсть углем из очага и давали попробовать соль. Перед тем же, как принести ягненка в жертву, произносилась мусульманская формула «Бисмил-лах-рахмани-рахим», при этом присутствующие соединяли перед собой во время молитвы обращенные кверху ладони. Во время молитвы также было принято снимать шапки, что отражает уже христианскую традицию.

Напластование религий прослеживается и в сказании про донифарскую цепь («Донифарси рахис»): «Донифарская цепь пришла к нам на шею барана. Мужчины не могли ее поднять. Праздник (в честь цепи) справляли белым ягненком. Ее (цепи) вид – зеленого цвета. Никто к ней не заходил. А кто заходил, тот перед посещением омывал ноги» [4, с. 135].

В традиционной духовности осетин синкритический характер религиозно-мифологических воззрений прослеживается в представлениях об образе Уастырджи. Его роль в своей основе соотносится с военной функцией, а соответственно он оберегает мужчин и путников. В прежние времена осетины воспринимали Уастырджи и как покровителя своих далеких предков. Во всех сферах деятельности обращаются за помощью к этому могущественному покровителю. Многие исследователи и имя, и образ Уастырджи отождествляют с христианским св. Георгием. Некоторые же авторы возводят Уастырджи к имени и образу родоначальника скифов – Таргитаю [7, с. 259]. Но, как бы ни трактовали данную этимологию, все исследователи едины во мнении, что образ осетинского Уастырджи своими корнями восходит к архаическим верованиям осетин.

Вместе с тем необходимо отметить, что феномен образа осетинского Уастырджи в том, что в нем сконцентрированы не только различные эпохи, но и различные религиозно-мифологические прообразы. Определенное влияние на сюжетные мотивы сказаний про Уастырджи и на его функциональную сущность оказал и ислам. В одних легендах Уастырджи выступает поборником торжества ислама, помощником и ближайшим сподвижником пророка Магомета, в

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

других – проводником идей ислама, в третьих, как правоверный мусульманин. В легенде «Уасгерги и его жена Фатимат, дочь пророка Магомета», герой сохранил образ эпического персонажа, но вместе с тем перенял некоторые черты сподвижника и зятя пророка Магомета – Али. Являясь в данном сюжете мужем дочери пророка Магомета Фатимат, он так же, как и Али, борется против врагов ислама. Даже меч Али оказывается в руках Уасгерги [11, с. 493-496].

Синкретические воззрения затронули и такой консервативный памятник устного народного творчества осетин, каковым является нартовский эпос.

Ни один из других фольклорных жанров не вобрал в себя на протяжении многовекового развития столько поэтических мощностей как эпос [3, с. 3]. Нартовский эпос, по общему признанию, относится к числу выдающихся памятников мировой цивилизации. Поэтому осетинский нартовский эпос можно считать тем духовным сокровищем осетинского народа в прошлом, с которым он вошел в арсенал мировой культуры [14, с. 3].

Нартковский эпос складывался на скифо-сарматско-аланской почве. Он вобрал в себя сюжеты, возникшие в периоды общинно родового строя, военной демократии и раннего феодализма. Поэтому основные мотивы в эпосе относятся к этим временам. Формирование эпоса происходило на Кавказе, где нартовский эпос в развитой форме бытует у многих народов. Поэтому эпос осетин во многом отразил кавказскую эпоху своей истории. В то же время осетины, испытав влияние ислама, не могли не отразить это влияние в своем эпосе. Влияние ислама на эпическую традицию осетин незначительно, так как осетинская «Нартиада» ко времени распространения мусульманства в Осетии прошла стадию завершенности. Но отдельные исламские мотивы все же прослеживаются в эпических текстах.

Заслуживает внимания еще один из вариантов сюжета гибели нартов "Гибель нартов", записанный в мусульманском селе от сказителя-мусульманина, наглядно демонстрирующий синкретические воззрения сказителей, принадлежащих к наиболее консервативной части общества. В данном сюжете смешались библейско-апокрифический, боготорческий и мусульманский элементы.

Согласно этому варианту, у нартов был пророк Салих. Он просил нартов принять религию, не уточняется, какую именно: мусульманскую или христианскую, однако из контекста видно, что сказитель подразумевал ислам.

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

Нарты не слушали Салиха. Тогда царь их призвал Салиха и предложил ответить на свои вопросы, ибо только так мог Салих убедить его в том, что он настоящий пророк. В свидетели он призвал народ. Когда весь народ собрался, то пророк Салих обратился к одному из них, по имени Давид (Дауит, Даут), попросив его выступить борцом. Если он оправдает надежды пророка, то последний обещал выдать за него дочь и дать в придачу половину имущества. Давид согласился и выступил против нартского борца. Перед выходом он произнес дуа (мусульманская молитва), и один из камней подскочил в его руки.

Он произнес дуа еще над двумя камнями, которые подсакивали в его руки. Когда в руках оказалось три камня, тогда Давид снова произнес дуа, и они превратились в один камень, который он вынес с собой. Когда противники оказались лицом к лицу, то пророк Салих, пожалев Давида, попросил его вернуться, сказав, что он не хотел бы, чтобы Давид пострадал из-за него. Но Давид отказался. Когда же пророк попросил его в третий раз, тогда Давид размахнулся и ударил камнем нартского борца, разбив ему голову. Затем он призвал нартов, чтобы они выставили еще одного борца. Нарты были вынуждены отступить, но не успокоились.

В этом сюжете перемешались библейские и мусульманские мотивы. Сражение Давида с нартским пелеуаном ни что иное, как поединок библейского Давида и Голиафа.

А сюжет о том, когда Давид откликнулся на призыв пророка, отсылает нас к хадисам про Али и пророка Магомета. Согласно хадисам, именно Али первым откликнулся на призыв пророка.

Дальнейший текст также созвучен хадисам: «И сказал им Салих: – и теперь еще не верите в то, что я – пророк?»

– Не верим до тех пор, пока ты нам не покажешь диво, о котором мы тебе скажем. Когда заставишь подняться красную черноокою стельную верблюдицу на вершину вон той горной расщелины, тогда и поверим.

И тогда пришло к нему слово от Бога, его принес Джебраил:

– Не заставляйте показать! Если (Я) покажу это, то найдете там свою погибель, и не ищите ее (свою гибель)!

– Эй, ложь все это! Покажи нам это, или мы не поверим!».

Когда слова пророка не убедили нартов, он взмолился Богу и просил показать им диво. Бог внял просьбе пророка.

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

Раздался треск скалы, и над расщелиной поднялась красная черноокая стельная верблюдица. Верблюдица отелилась прямо на вершине горы. Через некоторое время она захотела пить. Поднялась к истоку реки и начала пить. Долго не могла она напиться, и на все это время нарты лишились воды [13, с. 57-59].

В этом эпизоде с библейско-кораническими элементами смешались традиционно сказочные мотивы о преграждении воды драконом [26, с. 82].

Каждый раз, когда верблюдица начинала пить, нарты лишались воды надолго. Поверили они тогда в правоту пророка и решили убить верблюдицу, после чего теленок ее вернулся туда, откуда пришла его мать. Вскоре наступила погибель нартов, и они исчезли.

Винновниками гибели нартов оказываются пророк Салих и Давид (Дауит). Последний зачастую также называется пророком. Давиду приносит божье слово Джебраил. В отличие от других вариантов сказаний, где нарты борются с небожителями осетинского пантеона, в рассматриваемом сюжете противостояние идет между нартами и Давидом, которому помогают пророк Салих и Джебраил. При этом сказитель даже не подозревает, о смешении в своем повествовании христианских и мусульманских элементов.

Синкретизация затронула и обрядовую сторону религиозных воззрений осетин. Так, например, похоронный обряд, в котором в концентрированном виде представлена вся религиозно-мифологическая картина мира, синкретизировал отдельные идеологемы христианства и мусульманства.

Согласно традиционным верованиям осетин не существует ада и рая в классическом толковании христианства и ислама. И ад (вернее – зло, греховность), и рай (добро) существуют в одной плоскости, в единстве, что наглядно демонстрирует традиционный похоронный обряд осетин «Бахфалдисын» («Посвящение коня покойнику») [12, с. 381] и сюжет из нартовского эпоса «Путешествие Сослана в царство мертвых» [28, с. 514-578]. Под влиянием же христианства и ислама представления об аде и рае, наряду с традиционными воззрениями, стали частью религиозного миропонимания.

Синкретические воззрения в похоронных обрядах отразились и на традиции изображения различной символики на памятниках. На традиционных памятниках на самом вершине плиты всегда изображался солярный знак. После принятия мусульманства вместо солярного знака стали, как правило, наносить мусульманский символ – полумесяц. На памятниках

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

появились надписи по-арабски: имя покойного, дата смерти, изречения из Корана. Изображения человека и животных заменили родовые тамги, украшения резным орнаментом геометрического или растительного характера. В верхней части плиты иногда вырезали узор формы розетки. На некоторых же памятниках начали изображать оружие, газыри, часы, расположенные в тех местах, где они носились живым человеком. В нижней части плиты вырезали кумган и тазик для омовения, иногда четки и посох. На женских памятниках были изображения нагрудных застежек, пояса, ножниц и других предметов, связанных с занятиями женщин, вплоть до швейной машинки. Некоторые из этих изображений, хотя и символизировали принадлежность могилы мусульманину, все же, в целом, отражали традиционные религиозные представления осетин о потустороннем мире, где понадобятся земные вещи. Единственной надписью на осетинском языке на мусульманских памятниках бывала, как правило, приписанная в самой нижней части плиты "Рохсаг уо" (Рухсаг у) (букв, "будь светел"), выражение, близкое по смыслу "Упокойся с миром", "Светлая тебе память".

В целом же, все изображения, наносимые на памятник, в том числе и мусульманские, не нарушала традиционную сакральность всей надгробной символики, отражавшей Мировое древо с четким делением на три мира – верхний, средний и нижний.

Безусловно, религиозно-мифологические воззрения осетин в своей основе сохранили традиционные представления, однако и христианская, и мусульманская традиции также оставили заметный след в их эволюции, в результате чего на сегодняшний день они представляют собой синкретический характер.

References:

- [1] Takazov F.M. Islam in the traditional culture of Ossetians (XVIII - beginning of XX centuries. Vladikavkaz, 2007.
- [2] Dubrovin N.F. Ossetians. The history of Russian domination and the war in the Caucasus, Volume 1, Book 1, 1871.
- [3] Tolstoy V.S. trip to Ossetia in 1847. From the office of memories VS Tolstoy / "Russian Archives". Bk. 2. - M., 1875. - S. 265 -267.
- [4] Kaloev B.A. Ossetians. M., 1971.
- [5] Kaloev B.A. Ossetians eyes of Russian and foreign travelers. Ordzhonikidze, 1967.

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

- [6] Sinanov B.A. Orthodoxy in a multicultural society, North: history and current status // Actual problems of history: a view of young scientists: Proceedings of the 2nd All-Russian (with international participation) scientific school youth conference, 18-19 December 2014 / under. Ed. SA Hubulovoy. - Vladikavkaz: SP Tsopanovoy AY, 2014. pp 167-177.
- [7] Magometov A.H. Social system and way of life of Ossetians (XVII - XIX centuries.) - Ordzhonikidze, 1974.
- [8] Krasnitskiy K. Something about Ossetian district and the rights of the natives it // Gas. "Caucasus", 1865, №29.
- [9] Takazov F.M. Religious preferences of young people // North Ossetia-Alania Vladikavkaz Management Institute Bulletin. №26. Vladikavkaz, 2008. - S. 293 - 304.
- [10] Abaev V.I. Pre-Christian religion Alan / Selected Works. Religion, folklore and literature. - Vladikavkaz, 1990.
- [11] Kusaeva Z.K. religious and mythological motifs in the Nart epic Ossetians. Modern problems of the humanities. Materials final scientific session FGBUN SOIGSI VSC RAS & RNO-A, 2013 S. 167-173.
- [12] Abaev V.I. Historical and etymological dictionary of Ossetian language. T. IV. Moscow-Leningrad, 1989.
- [13] Kusaeva Z.K. Functional features of good wishes in the Ossetian and Kalmyk folklore. Folklore Mongolian peoples: historical reality. Proceedings of the International Congress. Elista, October 2-5, 2013. Pp 612-623.
- [14] Iron taurægtæ (Ossetian legends). / Compiled Sh.F. Dzhihaev / Ordzhonikidze, 1989. (in Ossetian).
- [15] Legend of Tsartsiatæ. Epic Ossetian people (Tsartsiaty taurægtæ: Iron adæmy Epic). / Composition. F.M.Takazov / Vladikavkaz, 2007. (in Ossetian).
- [16] Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epic (Nart sagas. Epic Ossetian people). The II. / Composition. Hamitsaeva T.A./, Vladikavkaz, 2004. (in Ossetia. Language).
- [17] Kokiev G.A From the history of Russian-Ossetian relations in the XVIII century / News Sonia. 4. T. - Ordzhonikidze, 1932. - S. 130-156.
- [18] Dzamikhov K.F. From the military-political alliance to the colonial policy / Circassians. Number 4, 1992. - p.138.
- [19] Blied M.M. Caucasian war: social origins, nature / history of the USSR. 1983. № 2. - S. 54-75 ; Ossetia in the first third of the XIX century. - Ordzhonikidze, 1964.
- [20] Magometov A.H. Life and culture of the Ossetian people. Ordzhonikidze, 1968.

**5th the International Conference
on Science and Technology 2015**

- [21] Mal'bakhov B.K. Kabarda on the stages of political history (mid XVI - first quarter of the XIX century). - M., 2002.
- [22] Dzidzoev V.D. Ossetia in the relations between the peoples of the Caucasus in the XVII - early. XX century. (historical and ethnological research). - Vladikavkaz, 2003.
- [23] Takazov F.M. Religious preferences of young people // North Ossetia-Alania Vladikavkaz Management Institute Bulletin. №26. Vladikavkaz, 2008. - S. 293 - 304.
- [24] Tolstoy V.S. trip to Ossetia in 1847. From the office of memories VS Tolstoy / "Russian Archives". Bk. 2. - M., 1875. - S. 265 -267.
- [25] Basilov V.N. Kobychhev V.P. Niccolai kuvd // Caucasian ethnographic collection. Vyp.VI. M., 1976. - S. 131-150.
- [26] Archive SOIGSI. Fund f. op.1, d.122-123. - P.135.
- [27] Gazdanov V.S. Image Wasgergi in religious and mythological ideas of Ossetians // DTV. Vladikavkaz, 1998, №3.
- [28] Abaeva Z.V. Studies in Nart epos. Tskhinvali, 1978.
- [29] Kabisov R.S. the question of the ideological motives in the Ossetian Nart epic. Tskhinvali, 1972.
- [30]. Iron adæmon sfældystad (Ossetian folk art) / Compiled Z.M.Salagaeva / V.1. Ordzhonikidze, 1961. (in Ossetian).
- [31] Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epic (Nart sagas. Epic Ossetian people). I t. / Composition. Hamitsaeva T.A./, Vladikavkaz, 2003 (in Ossetia. Language).
- [32] Iron adæmon sfældystad (Ossetian folk art) / Compiled Z.M.Salagaeva / V.2. Ordzhonikidze, 1961. (in Ossetian).
- [33] Myths of nations of the world. V.2. - M.: SE, 1992.
- [34] Pfaff V.B. adoption of Ossetians Muslim faith / SSKG, Vol.1. - Tiflis, 1871.